

УДК: (091) 11

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Вандышев В.Н. (г. Сумы)

Аннотации

Рассматриваются особенности формирования философии постмодерна в контексте философии Запада в целом и европейской, в частности. Внимание акцентировано на противоположности мобилистского и тоталистского подходов к восприятию и описанию сущего в истории философии.

The features of forming of philosophy of postmodern are examined in the context of philosophy of the West on the whole and European philosophy in particular. Attention is accented on opposition of mobilistic and totalistic principle to perception and description of essence in the history of philosophy.

Ключевые слова

КОНЦЕПТ, ПОСТМОДЕРНИЗМ, МОБИЛИЗМ, ТОТАЛИЗМ, РЕАЛЬНОСТЬ, ИНФОРМАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Введение

Сегодня, когда постмодернизм стал знаковым явлением, а литературно-публицистические и философские труды Ж. Делёза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Батая, Ж. Дерриды, М. Фуко, Р. Барта и многих других мыслителей XX века стали классикой, можно более свободно и с определенной дистанции подойти к анализу сущности и природы этого явления.

Известный вклад в дело распространения постмодернистского мировоззрения приносят и множественные изменения, существенно отличающие внутреннюю жизнь современных постиндустриальных стран Европы, США и Японию сравнительно с тем, что происходило в них еще совсем недавно в 1940-50-е годы. Растущая обеспокоенность в обществе находит свое выражение в участвующих выступлениях в печати общественных деятелей, социологов, политологов и литераторов Д. Белла, Б. Гейтса, Г.Д. Снукса, А.Д. Панова, Н.Н. Моисеева, А.П. Назаретяна, Э. Вайцеккера, Э. Ловинса, Л. Ловинса, В.Л. Иноземцева, Дж. Сороса, О. Тоффлера, Э. Фромма, Ф. Фукуямы, И. Валлерстайна, У. Эко, С. Хантингтона, А. Барда и Я. Зодерквиста, П.Дж. Бьюкенена и др. [см.: 1 – 7]. В работах указанных ученых сквозит беспокойство о судьбах человечества, подвергаются глубокому анализу особенности постиндустриального, информационного, межэтнического, межконфессионального развития большинства передовых и экономически развитых стран мира.

Очевидно, есть несколько причин появления постмодернизма в философии. Прежде всего – это распространение позитивистских

учений, поскольку неопозитивизм и лингвистический позитивизм, явно не вписываются в привычные философские рамки. И конечно же, европейский постмодернизм – это следствие студенческих волнений 1968 года в Париже. Значительные массы студенчества вместе с коммунистическими активистами сошлись на баррикадах, бунтуя против ценностей буржуазного общества и против него в целом. Поколение молодых французов-студентов, как и движение хиппи, как и участники американского движения за мир времен вьетнамской войны, было движимо убеждением, что капиталистическая система обанкротилась и ее следует радикально преобразовать. Это неоднородное движение возглавляли и вдохновляли ряд авторитетных деятелей, включая марксиста и философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра, воодушевленного идеями Мао Цзе Дуна.

Цель статьи

Исходя из того, что начиная с античности, с самых ранних философских течений, западная мысль всегда была неоднородной, представляется возможным показать ее развитие как постоянную конфронтацию мобилистской и тоталистской традиций.

Обсуждение проблемы

Действительно, практически все исследователи истории философии акцентировали внимание на разнонаправленности философских идей, начиная с эпохи античности. Можно по разным критериям проводить дифференциацию исходных философских идей: материализм и идеализм; реализм и мистицизм; рационализм и сенсуализм; агностицизм и скептицизм; монизм и дуализм и т.п. Но можно принять и еще одно разделение, которое в некой системе терминологии можно обозначить как мобилистскую и тоталистскую традицию [см.: 1]. В этой системе, например, философия Гераклита – это мобилизм, а философия Платона и Сократа – тотализм.

Тоталистская традиция характеризуется стремлением создать великую систему, выявить единственную теорию для всеобъемлющего объяснения жизни и истории. Сократ, Платон и Аристотель – центральные фигуры тоталистской традиции, чьи идеи были развиты Декартом и Кантом, Гегелем и Марксом. В этом же направлении развивалось христианское учение и политическая идеология капитализма. В тотализме философские правила аксиоматичны и воспринимаются как данность. Его – основа этой системы: подразумевается, что все мироздание вращается вокруг его, подобно тому, как Луна вращается вокруг Земли. Мышление автономно и пытается осветить и рассмотреть существование, исходя из фундаментальной предпосылки. Так что наблюдение идет от его в направлении к окружающему миру. Тоталистскую философию интересует взаимосвязь между душой и телом (= его и миром), поэтому она в основе дуалистическая. Цель тотализма – создать систему,

которая служила бы практическим руководством по миру и жизни. Фундаментальные вопросы этой философии связаны с понятием идентичности человека: кто он есть, и каково его место в мире?

Вопрос, который ставит перед собой тоталист – это вопрос, рассчитанный на то, что ответ возможен. Вопрос – это способ, ответ – это истина, а обретение истины – это цель. Мир, в котором на все вопросы есть ответы, является совершенным миром, миром цельным (от англ. *totality*), а в результате – утопией, ставшей манифестом. Как ни какое иное в этом плане показательно учение Платона, утверждавшего, что эта утопия уже существует, и что она истинно реальна, реальнее чувственно воспринимаемой реальности. Воспринимаемая нами реальность, на самом деле лишь смутный образ сверхреального мира идей. Поэтому для Платона поистине существуют лишь идеи, которые непостижимы, в то время как вещи, которые мы постигаем, представляют лишь несовершенные копии идей. В принципе и христианство трудами многих отцов его приняло тоталистскую концепцию в платоновской интерпретации. Христианская идеология утопична и частично представляет собой как идею потерянного рая, так и идею грядущего мира небесного, исполненного блаженства. Христианство, обращаясь к будущему, одновременно обращается и к прошлому, интуитивно стремясь вернуть существовавшее прежде.

Для политических идеологов тотализма, утопия не есть данность прошлого, но скорее достижимый и желательный проект. Сами люди постепенно делают эту утопию реальностью, сначала в виде мысли, затем в виде видения, затем в реальности, посредством интенсивной политической деятельности. Поскольку Бог вне поля нашего зрения, люди сами должны преобразоваться в Бога и стать властителями своих судеб, если собираются реализовать свою утопию. Задача тоталистской философии состоит в том, чтобы указать, как этого можно достичь. Вслед за К. Марксом тоталисты ленинского типа объединились вокруг этой идеи утопии, которую возможно реализовать в процессе интенсивного волевого усилия. Знаменательно, что в «Обращении» Центрального комитета партии большевиков по случаю смерти Ленина, было подчеркнуто именно главное в характере вождя – «... железная, упорная, негибкая... воля...». В какой-то мере идея утопии связана с идеей объективной истины, абсолютного мерила всего того, что происходит на свете. Тоталистская мысль концентрируется также и на эстетико-моральных категориях: добро и зло, черное и белое, возвышенное и низменное, правильное и неправильное, полезное и бесполезное и т. п. Цель в том, чтобы разместить человеческие мысли и поступки на шкале, крайними точками которой являются эти категории. Поэтому одной из задач философии является окончательно определить эти категории, выводя их из воображаемого идеального состояния, из абсолюта, либо из идеологически и классово окрашенных ценностей.

Развиваясь с различной интенсивностью на протяжении длительного времени от античности до нашего времени, тоталистское мышление произвело на свет необъятную паутину законов, правил, предрассудков и массовых стереотипов.

Сама тоталистская философия имеет одну впечатляющую особенность: философия – это инструмент, который по достижении цели является излишней. Сколько раз во времена СССР проводились дискуссии о сущности и назначении философии! Когда утопия будет достигнута, потребность в тоталистской философии отпадет, подобно тому, как фонарь становится ненужным, если вы уже выбрались на свет. Но есть ключевая проблема, порождающая множество идеологических и религиозных войн, чему история может предоставить много печальных примеров. Проблема в том, что разные исходные принципы отличают тоталистские направления друг от друга, поскольку различаются представления о желаемой утопии. Множество различных верований, собранных под тоталистской крышей, легко приводит к распространенному заблуждению, что саму мысль необходимо структурировать тоталистским образом, а другого способа мышления попросту быть не может. Впрочем и сам язык наш насквозь пропитан духом тоталистской традиции, препятствующей альтернативному мышлению.

Ключевая ценность тотализма наиболее явно прослеживается в столь привычном нам антропоцентрическом взгляде на мир, когда все соотносится с человеком и его потребностями: все, что нам интересно в других объектах, событиях или существах, – это их похожесть на человека или полезность человеку, который и есть мера всех вещей. Посмотрите на содержание современной рекламы, оно говорит само за себя! Смысл жизни – это сами люди, их чаяния и надежды, и/или спасение отдельного человека. Чем сильнее похожесть или полезность чего-либо для людей, тем выше ценность. *Рене Декарт, – этот философ далекого XVII века, удивительно современен, потому что вслед за ним мы можем сформулировать кредо современного человека: «Я мыслю, следовательно, Я существую».* Но поскольку именно Я думаю, то именно Я и решаю; а поскольку Я здесь принимаю решения, то Я заставлю реальность подчиниться своей воле. Но реальность не желает подчиняться даже моему Я! Бесспорно, переход от феодализма к капитализму был связан со сменой парадигмы как в развитии науки, так и в технологиях. Прежде всего именно астрономы-ученые Н. Коперник, И. Кеплер, И. Ньютон и Г. Галилей заложили основы нового взгляда на мир. Что-то пытались сделать в этом направлении и мыслители раннего капитализма, философы эпохи Просвещения. Однако стремление установить некую независимую объективную истину и найти центр бытия оставалось актуальным. Не

было идеологического пространства, в которое можно было втиснуть новое представление о мироздании, в котором отсутствовал центр.

Но были и проницательные философы с новаторским мышлением. Монизм Баруха Спинозы коренным образом противоречил тоталистскому дуализму. Дэвид Юм в результате смягчил свои наиболее радикальные убеждения. Революционный элемент учения Г.В. Лейбница заключался в том, что сама суть существования – это скорее движение, а не вещество, но и он счел необходимым тщательно закамуфлировать эту фундаментальную идею. Мобилистская традиция берет начало от Гераклита Эфесского. Мобилистская традиция характеризуется стремлением к всеобщей открытости. Каждый субъект стремится приспособиться к реалиям окружающего мира, примириться с обстоятельствами существования, с тем, чтобы использовать эту позицию как стартовую площадку для улучшения условий, навязанных судьбой. Идея здесь находится вне бытия и вне людей, а его не является данностью. Логика философствования направлена от мира к субъекту. В мобилизме вопрос не требует ответа, за ним прячется следующий. Вопрос выражает страстное стремление к свободной и бескомпромиссной мысли, интеллектуальной полноте. Поэтому, ответ – это всегда тупик развития мысли, отвлекающий маневр, удобное пристанище, а настоящее – это то, что есть, настоящее – это действительность, реальность.

Мыслитель-мобилист - противник утопии, поскольку утопия – это явный инструмент власти, требующий от человека полного подчинения и ограничивающий его в свободном мышлении и полнокровной жизни в настоящем. В обмен на его свободу в более или менее отдаленном будущем человеку обещана награда, награда за добровольное рабство и страдание, на которое человек себя обрекает либо потому что его одурачили, либо потому что он позволил, чтобы его одурачили, либо хотел, чтобы его одурачили. Мобилистская философия отвергает все это, а взамен награды предлагает воздух свободы и ограниченные, но реальные возможности в настоящем. Цель – высветить и обезвредить любые попытки оправдать иерархии, которые мы вынуждены строить только лишь для того, чтобы сделать существование более понятным. Такая цель требует от философов так формулировать свою критику власти, чтобы критика стояла вне «конструктивности», потому что требование «конструктивности» отражает требование власти к философии быть полезной для власти. «Конструктивная критика власти» *одомашнена и безвредна* уже в момент, когда ее провозглашают. Мобилистская критика не склонна вступать с властью в диалог, она не устраивает торг, а обнажает установившиеся «истины», веру в «прогресс» и «вознаграждения», лишает их иллюзорного блеска. Требование свободы распространяется и на отношение философов к собственной философии: мысль должна быть совершенно свободна! Как

только философы предъявляют право собственности на свои идеи, они немедленно олицетворяют себя с властью, которую критикуют. Это, естественно, проблематично, потому что означает, что мыслитель-мобилист не может нести ответственность за реальные и практические последствия своих идей. Здесь таится колоссальный риск, но и столь же колоссальные возможности, которые являются неотъемлемой частью философии мобилизма. Никогда нельзя сказать заранее, чем все это закончится!

Парадокс истории в том, что идеи мыслителей-мобилистов имплантировались в тоталистское общество: 1) разоблачительная теория Макиавелли о стратегиях борьбы за власть на самом высоком уровне была высоко оценена и использована; 2) антифашистская философия Ницше, вывернутая наизнанку, стала идеологическим оружием нацизма в Германии 1930-х годов. Именно с появлением Фридриха Ницше, мобилизм всерьез заявил о себе на философской арене. Ницше отверг традиционные тоталистские вопросы о смысле всего сущего и о морали, в её философском понимании, и вместо этого прямо обратился к более сложным вопросам мобилизма о том, «кто говорил то, что было сказано, и почему». Ницше отринул все разговоры по поводу того, что бытие имеет скрытый внутренний смысл или объективную цель. Он заявил, что существование есть процесс столкновения бесчисленного множества конфликтующих сил. Практически бессмысленно рассуждать о каком-либо статическом состоянии нашего бытия, есть лишь непрерывный процесс становления. Существование не есть что-то само по себе, оно становится чем-либо в процессе изменчивого взаимодействия конфликтующих сил. По Ницше, все разговоры по поводу морали имеют целью предоставить правителям инструмент контроля над массами, а массам дать возможность контролировать личность. Поэтому он подверг критике весь тоталистский проект Просвещения. Ницше заявил, что Просвещение отнюдь не ставило своей целью создание лучшего, более открытого мира для людей, а скорее имело намерением заключить людей в рамки замкнутой системы, в которой ориентиром стало понятие нормальности, а недовольство и конформизм – ключевыми характеристиками. Двумя главными целями его нападения были, прежде всего, христианство в духе ап. Павла и то, что он считал его позднейшим наследником – гуманизм. Вместо гуманизма он отстаивал свой собственный идеал – сверхчеловека, чьи действия активны и позитивны. Он поместил жизнь и все ее многообразие над всем остальным. Порыв свободного, ничем не сдерживаемого акта созидания в процессе жизни он назвал жаждой власти.

Вполне закономерно, что начале 1970-х наступил прорыв принципиально нового философского учения, в авангарде которого стояли два ницшеанца, Жиль Делёз и Мишель Фуко. Мобилистская

традиция вновь обрела опору в научном мире и стала распространять свое растущее влияние. Идеи Ницше покорили Францию и быстро расширили границы своей империи. Фуко, Делёза и их многочисленных последователей назвали, в основном их оппоненты-философы, постмодернистами. Этот противоречивый термин возник в связи с тем, что они подвергали критике позднейший проект тотализма – модернизм. Делёз также разработал свою собственную концепцию, которая, представляет значительный вклад в философию XX в. Соединив монизм Спинозы с ультраматериализмом Ницше, Делёз произвел фронтальную атаку на тоталистское восприятие его как устойчивого феномена, а равно и на тоталистический дуализм и диалектику. Продолжая традицию Ницше, Ж. Делёз представлял бытие как постоянный конфликт разнонаправленных сил, интересуясь различиями между этими силами. Из точки, в которой возникает это различие (Делёз назвал её точкой неравномерности), оно продолжает беспрепятственно распространяться, одновременно являясь причиной возникновения новых различий. Так что это вопрос отношения к миру, в котором бытие не может находиться в человеческом сознании, поскольку бытие изменяется и распространяется во всех направлениях со скоростью, превышающей наши способности к осознанию. Следовательно, тоталистские претензии получить законченную картину бытия являются абсурдом. Философия Делёза сконцентрирована вокруг центральной точки мобилистской оси времени – события и его петли обратной связи.

И радикальный вывод: не его производит мысли, а скорее мысли производят его. Когда мысль меняется, меняется и оно. Не существует такой вещи, как неизменное его, базовая предпосылка тотализма. Поэтому невозможно утверждать, что человек в качестве суверенного субъекта в состоянии открыть «истину», изучая окружающую среду. Вместо этого мы вынуждены признать, что человек по большей части конструирует истину-реальность, соответствующую его целям и обстоятельствам. Никакая истина не выживает вне обстоятельств, в которых создается и в которых функционирует. Новая парадигма требует новых идей (концептов). Поэтому вполне закономерно, что проблема реальности периодически становится центральной. Всегда требуется время, чтобы мы привыкли к новой реальности, чтобы произошедшие изменения оформились в целостную систему, чтобы новая реальность воспринималась как само собой разумеющееся.

Когда в 1483 году Юрий Дрогобыч (1448 – 1494), – известный мыслитель эпохи Возрождения, печатал свой астрологический «Прогностик-1483», мало было людей, которым эта книга была доступной: тираж малый, цена высокая, грамотных и способных понять – мало. Но уже спустя три столетия в просвещенно-революционном французском обществе печатная книга, издававшаяся тиражами в несколько тысяч, существенно влияла на умы граждан, возбуждая их и

побуждая к тому, что декларировали Вольтер, Руссо и философы-энциклопедисты. То же произошло и с многочисленными технологическими и техническими открытиями, изобретениями и новшествами, которые накапливались несколько сотен лет, пока все вдруг системно не заработало к середине XVIII века, когда паровая машина привела к началу масштабной индустриализации. Но только к середине XX века достижения науки и техники стали массово использоваться в быту сотен миллионов людей.

Ныне уже более миллиарда людей не мыслят своей жизни без электричества, холодильника, телевизора, мобильного телефона, индивидуальных и общественных транспортных средств. Для сотен миллионов людей и Интернет стал важным неотъемлемым атрибутом трудового процесса и жизнедеятельности вообще. Впрочем, все существующие сегодня блага, дарованные научно-технической революцией и развивающимся информационным обществом, еще не обрели системного характера. Есть достаточные основания исходить из того, что информационно-цифровая революция предваряет невероятное расширение возможностей человеческого мозга посредством его интеграции в электронные сети коммуникаций.

Выводы

Таким образом, означенные процессы будут дополнены возможностью бытовой техники «разумно» взаимодействовать с другими объектами в целостной сети. Что-то «подскажет» хозяину холодильник, что-то телефон, что-то персональный компьютер, а что-то подскажет один агрегат другому. Вот тогда изменения по-настоящему войдут в жизнь, радикально изменив ее. Но люди – существа медлительные и достаточно консервативные. Нам мешают разнообразные стереотипы и табу идеологического и религиозного характера. Динамично развивающееся информационное общество необходимо ставит перед людьми в постиндустриальных обществах задачу творческого преодоления системы прежних устоявшихся представлений.

Отсюда очевидно, что новая реальность появляется вследствие качественного скачка. Осознав, что прежний взгляд на мир устарел и привычные понятия больше не могут объяснить непонятные нам явления, мы вынуждены от него отказаться. Но в этом явлении есть и позитив: мы освобождаемся и от большого количества знаний, ставших ненужными.

Перспективы дальнейших исследований:

Поскольку развитие и широкое распространение электронных сетей обострило ситуацию для тех людей, кто привык ориентироваться на нормы и ценности прежнего мира, следует исследовать изменения, происходящие в определенных властных и частных структурах, где господствуют определенные цензурные и подцензурные нормы. Важно

понять, что происходит в обществе с появлением новых информационных сетей со все большей их «демократизацией» и «распушенностью».

Источники

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. – СПб., 2004.
2. Бьюкенен П. Смерть Запада. – М., 2004.
3. Воронкова В.Г. Філософія: Навчальний посібник. – К., 2004.
4. Переломова О.С. Лінгвокультурні коди інтертекстуальності українського художнього дискурсу: діахронічний аспект: Монографія. – Суми, 2008.
5. Dupkala Rudolf. Recepcja filozofii Europejskiej na Słowacji. Zagadnienia wybrane. – Warszawa, 2008.
6. Mihina František. Racjonalność. Zarys genealogii modeli i problemów. – Warszawa, 2008.
7. Słomski Wojciech. Filozofia – sztuka myślenia. – Warszawa, 2001.

Стаття надійшла 27.04.2009 р.